

Завораживающие
детективы
**Виктории
Платовой**

Читайте новую книгу Виктории Платовой:

Что скрывают красные маки

А также другие книги в серии:

Такси для ангела

Хрустальная ловушка

Смерть на кончике хвоста

Ритуал последней брачной ночи

Победный ветер, ясный день

Битвы божьих коровок

Корабль призраков

Купель дьявола

Куколка для монстра

В тихом омуте

**ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА**

**Куколка
для монстра**

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П37

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Платова, Виктория Евгеньевна.

П37 Куколка для монстра / Виктория Платова. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 576 с.

ISBN 978-5-04-089630-1

Автокатастрофа, больничная палата и... полная потеря памяти. Неужели это я в своем прошлом убила двоих людей? Почему мне сделали пластическую операцию? Насильно избавили от неродившегося ребенка? И чего хочет этот человек из спецслужбы, расчетливый и беспощадный? Что ж... Она станет запрограммированной машиной провокации и убийства. Но она все вспомнит, и тогда — берегитесь! Она обретет свободу. Но может быть, это только иллюзия?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© **Виктория Платова, текст, 2017**
© **Оформление.**
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-089630-1

После комы

День третий

Я не могу опознать его. Я не могу опознать ее.

Я никогда не видела этих лиц. Так же как и лица человека, который показывает мне одни и те же фотографии — их ровно одиннадцать (какое облегчение — в прошлой жизни, которая навсегда отрезана от меня, я умела считать, во всяком случае, до одиннадцати). Но ни одна из этих фотографий ничего не говорит мне...

Впрочем, на меня нельзя положиться.

Я не могу опознать даже себя.

Кто я?..

После комы

День пятый

Я не могу опознать его. Я не могу опознать ее.

Женщина на фотографиях мертва. Короткие черные волосы, такая же черная кровь, которая залила ей лицо. Лицо чересчур спокойное для автокатастрофы. Лицо чересчур красивое, чтобы быть настоящим.

Мужчина на фотографиях жив. Он похож на ласку. Или на хорька — из тех, что отираются на плечах занюханых хиппи (откуда я знаю о занюханных хиппи?). Откуда я знаю, что существуют ласки и хорьки и что мужчина, изображенный на снимках, похож именно на них, а не на гризли или опоссума? Я занималась зоологией? Или случайно посмотрела видовой фильм, сидя на кухне и перебирая подгнившие яблоки?..

Если я знаю, что такое «кухня» и что такое «подгнившие яблоки», то почему, черт возьми, я не знаю, кто такая я сама?!

Мужчина на фотографиях, должно быть, знал. Но он погиб в катастрофе, так же как и женщина с короткими черными волосами. Возможно, все другие, знавшие меня, умерли еще раньше, или так же потеряли память, или эмигрировали из страны — ко мне никто не приходит. Никто, кроме этого парня с фотографиями. Фотографии одни и те же — человек, похожий на ласку.

Два снимка вызывают во мне глухой протест (откуда я знаю, что такое «протест?»); еще три — здоровый скепсис (откуда я знаю, что такое «скепсис?»). И только на одном, любительском, — без дешевой вспышки — ласка так хороша, что я, не раздумывая, переспала бы с ней.

Переспать. Как мило. Кажется, я знаю, что такое «переспать», но это знание не касается меня, как и все остальные знания.

Я знаю, что где-то должен быть Бог, и вот он уж действительно не похож ни на хорька, ни на опоссума.

Я даже знаю, что существуют два вида гильотин — один для подрезки сигар, а другой — для головы Мариин-Антуанетты. Бог существовал задолго до Мариин-Антуанетты, он наверняка видел, как ее голова скатилась в корзину...

Кто я?..

После комы *День седьмой*

Я не могу опознать его. Я не могу опознать ее.

Была ли я любовницей мужчины? Была ли я подружкой женщины? Была ли я их случайной попутчицей, севшей в машину за пятнадцать минут до катастрофы или за двадцать минут до мокрого снега (в ту ночь шел мокрый снег, слава богу, я знаю, что такое «снег»)? *Была* ли я причиной катастрофы или ее следствием? Кстати, он говорит, что следствие все еще идет, — этот парень, который приносит мне одни и те же фотографии. У меня даже сняли отпечатки — теперь все десять пальцев, включая мизинцы, могут смело фигурировать в суде. Но у меня стопроцентное алиби, если двухмесячную кому и следующую за этим амнезию можно считать алиби.

Мне не хочется расстраивать его, мне не хочется говорить ему, что как раз алиби у меня нет... Иначе я никогда не была бы осуждена. А я осуждена и отбываю наказание в одиночной камере своего беспомысленства.

ВИКТОРИЯ ПЛАНОВА

...Сегодня дежурная сестра принесла цветы.

Сегодня я опять не вспомнила ничего, кроме названия цветов, — *гвоздики*... Я даже не знаю, нравились ли мне гвоздики, когда я была собой и все знала о себе. Мне *нынешней* они не нравятся. Но я ничего не сказала сестре — она так добра ко мне. Ее зовут Анастасия... А как зовут меня?

Кто я?..

Часть первая

АННА

... — У вас появился поклонник? — Это была ревнивая заинтересованность оперативного работника, не больше. Он даже не пытался скрыть ее, этот мой постоянный утренний собеседник. Вот и теперь он рассматривал уже успевшие мумифицироваться лепестки ничего не значащих, с точки зрения улики, цветов, недостающего звена, вытянув которое он наконец-то загонит меня в угол... Все эти восемь дней — с тех пор как я пришла в себя, очнувшись в логове капельниц — он пытался загнать меня в угол. Все для него было блефом — и мое беспамятство, и гвоздики, принесенные молоденькой медсестрой.

Если бы из-под его дешевого свитера так настойчиво не лезли бы милицейские погоны (почему-то мне казалось, что он лейтенантишка-неудачник, не больше, — такие ретивые типы редко дослуживаются даже до майора), я бы обязательно ответила ему расплывчато-кокетливым тоном: «Да, поклонник, почему нет, в этой образцово-показательной клинике самый широкий спектр поклонников — от ведущего нейрохирурга с самым распространенным грузинским отчеством до чемпиона

Европы по греко-римской борьбе, который зализывает здес последствия черепно-мозговой травмы...»

Но эти невидимые погоны (я надеялась не увидеть их никогда) так раздражали меня, что я сказала просто:

— Не стоит обольщаться на мой счет. Это всего лишь дежурная медсестра. Надеюсь, что ее невинный жест не будет преследоваться в судебном порядке.

Он хмуро посмотрел на меня:

— «Невинный жест», надо же! Для только что вышедшей из комы дамочки вы неплохо справляетесь с речью. А как насчет всего остального?

Я уже знала, что такое *все остальное*, — чертовы одиннадцать фотографий, которые он через минуту бросит мне на одеяло. Я знала и все равно ждала их — и это было единственным, чего я по-настоящему ждала. Может быть, я наконец-то увижу что-нибудь новое на зернистом, плохо пропечатанном заднем плане — что-нибудь, что поможет мне вспомнить этого человека, а вместе с ним — и себя...

Но мой лейтенантишка-неудачник не торопился с очередной экскурсией по фотографическому глянцу.

— А зачем она принесла вам цветы?

— Не знаю. Думаю, просто так. Кто вы по званию?

Он коснулся жестких полуживых лепестков такими же жесткими пальцами, машинально оборвав один из них, — и я вдруг подумала о том, что в детстве, с тем же машинальным наслаждением, он обрывал крылья бабочек... Наверняка в его детстве были бабочки. О себе я ничего не могла сказать наверняка.

Я не помнила своего детства, как не помнила всего остального.

— Эти цветы называются гвоздиками. Вы знаете, что такое «цветы»? Вы знаете, что такое «гвоздики»?

— Да.

В его глазах вдруг вспыхнул охотничий азарт, — если я знаю, как называются цветы, то логично предположить, что мне известно и собственное имя.

Мне неизвестно собственное имя.

Я терпеливо внушаю ему это каждое утро. Но он не верит мне — ни его мутные зрачки фокстерьера (фокстерьер — собака, я знаю это точно), ни жалкие милицейские погоны, которых я никогда не видела, не верят мне. Амнезия, синдром Корсакова — все это для него уловки хитрой дамочки (кстати, сколько мне лет и выгляжу ли я дамочкой?..); амнезия, синдром Корсакова — все это для него лишь движущая сила латиноамериканских мыльных опер, не более...

Стоп.

Ты знаешь, что такое мыльные оперы, дамочка под капельницей, поздравляю! Что еще ты знаешь — не о мыльных операх, а о себе?

Ничего, ничего, ничего больше.

— Кто вы по званию?

— Капитан.

Вот как, стало быть, я ошиблась. Не лейтенантишка-неудачник, а капитанишка-неудачник. Никому другому не поручили бы такой безнадежный случай, как я.

Я — безнадежный случай.

Я безнадежна. Это все, что я могу сказать о себе.

Я безнадежна, а его зовут Константин Лапицкий, — во всяком случае, именно эта фамилия вписана в его удостоверение, которое я даже толком не рассмотрела. Имя идет ему. Людям вообще идут имена.

Но только я могу понять это. Потому что собственно-го имени у меня нет. Я надеюсь, что *пока*. Я все еще надеюсь вспомнить — и именно поэтому жду каждого утра с капитаном Лапицким. У капитана тонкие решительные губы и сколотый передний зуб, придающий ему сходство с узкотелым хищным зверьком, — если вспомнить человека на фотографиях, то можно прийти к выводу, что фауна правоохранительных органов не очень разнообразна...

— Сходите к дантисту, — сказала вдруг я опостылевшему за неделю капитану. — Вам нарастят недостающую часть зуба, вы женитесь на дочери вашего начальника, получите новое звание и перестанете таскаться ко мне, как на работу.

— Сейчас моя работа — это вы, — он даже не обиделся, он оказался терпелив. Далеко пойдет, так что я, кажется, ошиблась насчет перспектив его карьерного роста. — Не будем откладывать.

Я прикрыла глаза. Одиннадцать фотографий, он лишь иногда меняет их порядок, в надежде, что пасьянс сложится, — чем черт не шутит. Поздравляю, «пасьянс» — новое слово в моем лексиконе — интересно, какие еще открытия меня ждут? Мария Стюарт — не Мария-Антуанетта, но именно она раскладывала пасьянсы... Кажется, именно за это ей отрубили голову. А впрочем, я

не помню... Но зато помню название карт — от двойки до туза и все четыре масти...

— Пики, черви, бубны и крести. Или вам больше нравится, когда их называют трефами?

— О чем это вы?

— Ни о чем... Давайте сюда ваши фотографии.

...Но сегодня это были другие фотографии. Первым в стопке лежал польский актер Збигнев Цыбульский.

— Знаете этого человека? — невозмутимо спросил капитан, психолог чертов, доморощенный Иуда.

— Да. Это актер. Польский актер. Он носил очки, белый шарф и погиб. Кажется, в конце шестидесятых...

— В шестьдесят седьмом, если быть совсем точным, — он удовлетворенно хмыкнул. — А сейчас какой год, вы знаете?

Я молчала. Действительно, какой сейчас год?..

— Избирательная у вас память, как я посмотрю, — капитан остался профессионально вежливым, хотя больше всего ему хотелось съездить мне по физиономии.

По лицу, которого я даже не видела.

Эта мысль вдруг обожгла меня — я еще не видела *своего лица*. Может быть, все дело в этом: я увижу свои собственные, только мне принадлежащие глаза и складки у губ (почему я уверена, что у моих губ обязательно должны быть складки?) — и наконец-то вспомню себя.

— Мне нужно зеркало. У вас есть зеркало?

— Нет... Но если вы хотите...

Хочу ли я? Его тон не мог обмануть меня: в присутствии представителя власти любой флирт с зеркалом смахивал бы на опознание. А для опознания необходи-

мы как минимум еще двое — я когда-то читала об этом? Видела в кино? Или мне приходилось принимать в этом участие?.. И вдруг на этом опознании я приму себя за кого-то другого?..

— Нет, пожалуй, нет... Не нужно.

— Тогда продолжим.

Он пододвинул мне оставшиеся снимки — небрежным жестом, в котором чувствовалось едва скрытое напряжение (за восемь дней я изучила этот жест). И я знала, что сейчас увижу: женщину, установить имя которой не могут (так сказал капитан). И человека по имени Олег Марилов. Капитан назвал его имя только на третий день, когда потерял надежду услышать его от меня.

Это имя мне ничего не говорило. В моей опустевшей, как город в период летних отпусков, голове не было ни одного имени, связанного с прошлой жизнью. Збигнев Цыбульский не в счет, но вряд ли он имеет какое-то отношение ко мне... Я взяла в руки принесенные фотографии мужчины — и не увидела ни одной из тех, которые мне показывали раньше. Те — вчерашние, позавчерашние, любительские, профессиональные, снятые со вспышкой и без — были полны жизни. Во всяком случае, человек, изображенный на них, был жив. В отличие от женщины, которую я видела на снимках только мертвой.

Но на этих снимках и он был мертв. Видимо, их сделали сразу же после катастрофы: искореженная груда металла, бывшая когда-то машиной; искореженная груда плоти, бывшая когда-то человеком. Мертвая женщина выглядела лучше.

— Кто это? — бессмысленно спросила я, хотя уже знала — *кто*.

Капитан молчал, и это было молчание разочарованного человека — видимо, он надеялся, что эти жестокие снимки встряхнут за плечи мою атрофированную память, нададут ей по щекам, заставят вспомнить.

Он все еще надеялся.

Надежда не оставляла его, пока я безучастно перебирала снимки.

— Нет, я не знаю его. Я не помню... Это имеет какое-то отношение ко мне?

Он вынул из папки еще одну стопку фотографий — и снова на них, осененная тем же заревом катастрофы, была заснята женщина. Но не та, снимки которой он показывал мне все это время. В беспомощном изгибе фигуры все еще теплилась жизнь.

— Кто это? — бессмысленно спросила я, хотя уже знала — *кто*.

— Это вы. Третья участница драмы. Вы живы. Поздравляю.

— Я... Ну да. Я... Может быть. Но чего вы хотите от меня?

Он нагнулся ко мне — впервые за восемь дней он оказался так близко; от него исходил резкий запах дешевого одеколona.

Откуда я знаю, что это — дешевый одеколон?..

— Я хочу, чтобы ты все рассказала мне.

— Я ничего не помню. Я ничем не могу вам помочь.

— Я не верю тебе. Может быть, ты начиталась дурацких книжек по психиатрии, попрактиковалась на пери-